

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА, ФОРМЫ «СЕМЬИ» *

Сюзан Гал, Гейл Клизмен

В статье рассматриваются особенности трансформации социалистической системы социальной политики в отношении семьи. Государство всеобщего благосостояния социалистического типа подвергается эрозии, происходит определенная динамика в дискурсе государства относительно политики социального обеспечения, рынка труда, социальной поддержки семьи. В статье применяются феминистские подходы к анализу социальной политики в постсоциалистических государствах. Делается попытка сравнительного анализа семейной политики в социалистических/постсоциалистических и западных капиталистических странах.

Ключевые слова: постсоциалистическая трансформация социальной поддержки, государственная помощь семье, государство всеобщего благосостояния, феминистский анализ, сравнительный анализ социальной политики.

Во время холодной войны социалистические государства Центральной и Восточной Европы и капиталистические западные страны в своих политических установках делали упор на различие систем, устраняя, таким образом, возможность сравнительного подхода, способного показать параллели между западными и коммунистическими типами государства всеобщего благосостояния. Прямые сравнения делались редко. При этом социалистические государства, по крайней мере в идеале, являлись формой «государства всеобщего благосостояния».

Относительная обеспеченность едой и жильем, полная занятость, высокие — по сравнению с другими стратами — зарплаты для рабочих, обеспечение номинально бесплатного или дешевого здравоохранения, образования, ухода за детьми, материнскими льготами и культурными мероприятиями — все это могло бы служить основанием для того, чтобы рассматривать эти государства в качестве примера государства всеобщего благосостояния, если эти услуги были бы доступны каждому, а их количество и качество — адекватным. Структурные сходства с западными социальными государствами

* Данная статья является дополненной версией главы *Forms of states, forms of "family"* из книги: Gal S. and Kligman G. *The Politics of gender after socialism*. Princeton: Princeton University Press, 2000. На русском языке предполагается в издании *Семья – модели для сборки* / Под. ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Текст печатается с любезного разрешения авторов и редактора.

поражают. И хотя система социального обеспечения при социализме отличалась дефицитом, неэффективностью, несправедливостью и в некоторых случаях принуждением, недавние сокращение, реорганизация или ликвидация этой глубоко порочной системы социальной поддержки вызвали трудности в жизни большого количества людей. Быстрая и все более и более видимая классовая дифференциация обострила положение наиболее уязвимых групп¹.

Реструктуризация социальной политики предпринимается всеми постсоциалистическими правительствами в условиях бюджетных и фискальных трудностей и сопровождается боязнью спровоцировать политическую нестабильность. Принципы неоллиберализма, предложенные влиятельными международными советниками и кредиторами типа Всемирного банка, Международного валютного фонда, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и воспринятые большинством местных экспертов в регионе, стали в итоге одной из движущих сил за пересмотр форм и направлений социальной политики. Хотя при этом некоторые ученые не устали подчеркивать, что социальная политика или политические практики, регулирующие рынок рабочей силы, привели к безработице, и что минимальное вмешательство государства, мобильная рабочая сила и подвижный рынок, награждающий победителей и наказывающий проигравших, до сего момента еще никогда не являлись объектами такого сильного влияния со стороны международных финансовых институтов.

Усилия государств Восточной и Центральной Европы, направленные на сокращение социальных затрат и на приватизацию социальных служб, — подобно западным социальным государствам в рамках Европейского Союза, на которые они стремятся походить, — активно поощрялись². Однако с 1989 года расходы постсоциалистических государств на социальные нужды сократились не так уж и значительно. В соответствии с отчетом Всемирного банка часть валового национального продукта, потраченная в этих странах на социальное обеспечение, наоборот увеличилась и до сих пор превышает аналогичные расходы в социальных государствах Запада. Абсолютный показатель расходов на социальные услуги в Восточной и Центральной Европе, однако, значительно ниже западноевропейского, а высокий уровень инфляции на Востоке еще больше обесценивает потраченные средства.

В результате ухудшение качества социальных услуг произошло именно в тот момент, когда в этих услугах нуждались больше всего. Несмотря на сохранение в бюджете статей на социальные нужды и продолжение реализации ряда социальных программ, начатых при социализме, социальная сфера подверглась глубокому реформированию. Место выдаваемых ранее пособий заняли программы по безработице, помощи бедным и пенсионному обеспечению. Право принятия решений и ответственность за исполнение часто передаются центром местным или муниципальным органам. Все чаще и чаще государственные фонды передаются негосударственным, некоммерческим и даже частным организациям, способным предоставить необходимые услуги.

Если до 1989 года меры по борьбе с бедностью и предотвращению большой разницы в доходах были обусловлены прежде всего идеологическими соображениями, то новые

¹ Работы Deacon [Deacon, 1992^b] и Deacon and Szalai [Deacon... 1990] являются важными исключениями из большого количества сравнительной литературы, Esping-Anderson [Esping-Anderson, 1996] же представляет собой наиболее свежий пример. Многие доклады Всемирного банка и других институтов, которые мы цитируем далее, теперь полагаются на сравнения с западными государствами. Как Deacon [Deacon, 1992^a] указывает в предисловии, первые сравнительные исследования Запада/Востока в основном концентрировались либо на негативных последствиях необузданной маркетизации общества, либо на крахе Советского и Восточноевропейского блоков.

² См. у Molyneux [Molyneux, 1994] обсуждение международного климата, с которым столкнулись новые государства восточной и центральной Европы. См. также: Standing [Standing, 1996. P. 230], где утверждается историческая беспрецедентность такого сильного иностранного вмешательства.

программы адресованы тем, кто оказался за чертой бедности в силу видимого экономического неравенства, фактически появившегося после 1989 года ¹.

В отличие от социалистических государств, изначально ситуация в государствах всеобщего благосостояния на Западе облегчалась более благоприятным политическим и экономическим контекстом. В послевоенный период, когда шло формирование социальных государств в Западной Европе, сильная экономическая экспансия государства сделала возможной мирное сосуществование относительно полной занятости и равного дохода. Однако сегодня идеал экономического равенства и гражданского участия, которые являлись движущей силой некоторых европейских социальных государств в послевоенную эпоху, кажется утопией. Отсутствует и стабильность в нуклеарной семье, на которой базировались многие планы строительства таких государств.

Кроме того, нет и единства в понимании того, что именно представляет из себя «всеобщее благосостояние». Сторонники одного направления говорят, что «кризис государства всеобщего благосостояния» вызван, с одной стороны, ростом доли пожилых в составе населения, и, с другой – растущей конкуренцией в области спроса и предложения заработной платы на глобально интегрированных рынках. Согласно этой точке зрения, выбор, стоящий перед политиками, сводится к следующему: либо дорогая система социального обеспечения, способная выровнять доходы, но дающая мало преимуществ для конкуренции на международных рынках и, таким образом, ведущая к безработице, либо – минимальное вмешательство государства в условиях высокой мобильности рабочей силы и свободного рынка, которые, стимулируя победителей и наказывая проигравших, способны в итоге избежать длительной безработицы и формирования зависимости различных групп населения от системы социальной поддержки.

Сторонники другой точки зрения, однако, утверждают, что эта проблема является надуманной: меры по созданию социального обеспечения и институциональные структуры сильно варьируются. Сравнения между высоко индустриализованными странами показывают, что нет необходимости искать компромисс между мобильностью рабочей силой и конкуренцией, с одной стороны, и социальным обеспечением, с другой.

В ходе обсуждения иногда забывается, что политическая мотивация в вопросах социального обеспечения зачастую играет большую роль, чем показатели экономической эффективности. Политическая целесообразность, в свою очередь, осложняется моральными обязательствами, представлениями о справедливости, демографическими моделями и гендерными отношениями, которые исторически сложились в Центральной и Восточной Европе ².

Несмотря на большое разнообразие мер по социальному обеспечению и проектов их финансирования, разработанных и рекомендованных экспертами, возможности выбора невелики. Общественное мнение в целом поддерживает сохранение большинства пособий, которые существовали в коммунистическую эпоху; в свою очередь, опасаясь недовольства избирателей, лидеры также неохотно идут на сокращение социальных пособий во времена экономических трудностей. Подобные действия политиков на Востоке – равно, как и их западных коллег – подвергаются критике, подчеркивающей, что недостаток фундаментальных изменений в расходах на социальные нужды угрожает перспективам

¹ Большинство эмпирических данных об изменениях в социальном обеспечении в Центральной и Восточной Европе получены из работ экономистов-экспертов по социальному государству, оплаченных Всемирным банком. Эти эксперты сами указывают на неопределенность и лакуны в своих данных. Следующие работы особенно полезны, на наш взгляд: Barr [Barr, 1994], Milanović [Milanović, 1998], Rutkowski [Rutkowski, 1996].

² Противопоставление эффективности и равенства долгое время доминировало в дебатах по поводу социальной политики. Об обсуждении «кризиса», его глобального распространения и неолиберального происхождения см.: Esping-Andersen [Esping-Andersen, 1996]. На основе сравнительных данных, полученных в высокоразвитых странах, Blank [Blank, 1994] делает вывод о том, что кризиса не было и предполагает, что более широкая страхующая сеть не обязательно ведет к меньшей экономической подвижности.

экономического роста, который, по мнению многих, является единственным долговременным способом борьбы с растущей проблемой бедности¹.

Разумеется, между странами существуют важные различия, как верно и то, что направления социальной политики постоянно изменяются. В политических кругах социальная политика является предметом интенсивных переговоров и манипуляций: в нескольких странах конституционные суды уже втянуты в арбитражные процессы. В рамках данной статьи мы постараемся обозначить лишь несколько базовых проблем, надеясь вызвать последующую дискуссию. При этом, на наш взгляд, сравнение между Востоком и Западом сейчас является очевидно необходимым как для того, чтобы сделать выводы на будущее, так и для того, чтобы понять прошлое.

Феминистская литература последнего десятилетия продемонстрировала важное понимание того, как государство – посредством политического влияния на домашнее разделение труда, доступ к наемному труду мужчин и женщин, уровни его вознаграждения и защиты, доступ к социальным пособиям – регулирует и даже конструирует гендерные отношения, включая и отношения в рамках семьи. Несмотря на то, что феминистская мысль помогла понять нам многое о гендерных отношениях в период коммунизма и посткоммунизма, на первый взгляд именно феминистская мысль оказывается менее всего полезной в этом регионе. По иронии судьбы, самым большим препятствием для концептуальной интеграции в регионе является сильное расхождение общественных дискурсов по поводу государства и семьи на «Востоке» и «Западе».

Число моделей, доступных для категоризации социальных государств в западном научном и повседневном дискурсе, постоянно растет. Среди ученых считается аксиомой как наличие различных видов государства, так и необходимость различных мер по социальному обеспечению, даже несмотря на практически монопольное господство неоллиберальных идеалов в международных политических кругах последних двадцати лет.

Это положение целиком касается и феминистского анализа. В зависимости от политической перспективы или степени изученности, ученые утверждают, что социальные государства являются или могут быть «доброжелательными по отношению к женщине». Несколько лет назад Хельга Хернс, например, предположила, что скандинавские демократии имеют потенциал стать обществом, благоприятно относящимся к женщинам, то есть стать государством, в котором исчезнет необходимость делать жесткий выбор, приносить большие жертвы, ограничивать возможности женщин (по сравнению с мужчинами) или создавать другие формы неравенства (например, между различными группами женщин). При нужных исторических условиях, таким образом, существует возможность и, вероятно, даже реальность «государственного феминизма». По мере обретения женщинами гражданских прав и участия в политике, государства могут сделать для себя возможной постановку феминистских целей, давая женщинам возможность стать важными активными партнерами в делах, касающихся базовых ценностей и льгот².

Другие исследователи наоборот называют государства всеобщего благосостояния «публичными патриархиями». Сильвия Уолби, например, доказывает, что, становясь зависимы-

¹ Необходим такой выбор, который имеет различные последствия как для различных групп населения, так и для объемов правительственных трат. Что делать с такими традиционными программами, как пенсионное обеспечение, пособия матерям и семьям, бесплатные услуги, а также с такими новыми программами, как помощь бедным, пособия по безработице, страхование и др.? Источники обсуждаемого финансирования включают: государственный бюджет, фонды работодателя, взносы самого работника, некоммерческие и добровольные организации, частное страхование, вычеты из заработной платы или различные комбинации. В данной главе мы основываемся на следующих выводах о текущем положении социальной политики в Центральной и Восточной Европе: Deacon [Deacon, 1992²], Deacon and Szalai [Deacon... 1990], Ferge [Ferge, 1998], Ferge and Kohlberg [Ferge... 1992], Kapstein and Mandelbaum [Kapstein... 1997], Kornai, Haggard, and Kaufman [Kornai... 2000], Offe [Offe, 1993], Pestoff [Pestoff, 1995], отчетах Всемирного банка и отчетах о странах, указанных выше.

ми от такого государства, женщины просто меняют отношения подчинения с конкретными мужчинами в рамках домохозяйства на такие же отношения подчинения и эксплуатации, но с государственными бюрократиями. Британия в данном случае служит точкой отсчета. Как демонстрирует Уолби, такая «женская работа», как, например, приготовление пищи, уборка и забота о детях и т. п. были превращены в предмет потребления, и поэтому в патриархальных домохозяйствах не только женщины несут теперь ответственность за эти обязанности. Тем не менее подобная работа все еще осуществляется преимущественно низкооплачиваемыми женщинами, хотя и регулируется государством. Для женщин относительные преимущества одного вида зависимости над другим определяются конкретными формами контроля и уровнями надзора. Для Уолби это выбор из двух зол.

В свою очередь, Венди Браун на примере Америки идет дальше, утверждая, что государства имеют четыре «измерения» власти — законодательное, экономическое, бюрократическое, военное/привилегированное, — и все они тем или иным способом неизбежно поддерживают привилегированное положение мужчин. Государства создают для женщин опасную систему зависимости, во многих областях ставя их в подчиненное положение лишенных власти субъектов. Это значительно снижает возможности формирования типа женских субъектностей, необходимых для политических действий. По этой причине феминистские движения должны только изредка, если они вообще должны, искать помощи у государства. Попытки такого рода только усиливают мужской контроль и над женщинами, и над самим государством¹.

Еще одна группа исследователей пытается избежать подобных крайностей и акцентирует свое внимание на том различии в гендерных отношениях, к которым привела политика разных государств и даже разных партий. Так, например, Бирте Сиим признает как прогосударственную, так и антигосударственную позицию, выводя их, соответственно, из скандинавского опыта (как оппозиции американскому и западноевропейскому опыту) и из социально-демократических (в противоположность либеральными и марксистским) политических взглядов.

Государства, несомненно, стали ключевым фактором влияния на жизнь женщин в Западной Европе во второй половине XX века не только потому, что женщины являются основными потребителями государственных социальных услуг, но также и потому, что они составляют главную категорию лиц, получающих пособие от государства, и государственных служащих. При этом, даже в Скандинавии — родине наиболее последовательных социальных государств, нацеленных на равноправие полов — велика вероятность того, что формированием социальной политики, касающейся женщин, будут заняты мужчины. Более того, и в этих государствах продолжается поддержка привилегированного положения мужчин на рынке рабочей силы, а работа женщин по уходу за детьми остается недооцененной. Несмотря на все это, женщины играют важную роль как в экономической сфере (благодаря своей занятости), так и в политической (путем использования своих гражданских прав). Современное социальное государство, утверждают Сиим и другие, имеет для женщин двойное значение: с одной стороны, такое государство дает женщинам доступ к власти — в качестве работниц, матерей и граждан, — но с

² Наиболее влиятельной типологией государств всеобщего благосостояния является типология Esping-Anderson [Esping-Anderson, 1990], в основе которой — работа Titmuss [Titmuss, 1963]. Феминистскую критику этой работы см.: Orloff [Orloff, 1993], соответствующие главы у Hobson [Hobson, 1994] и Sainsbury [Sainsbury, 1994]. Общие подходы к гендерному аспекту государств всеобщего благосостояния, которые вдохновили и наш обзор, см.: Borchorst [Borchorst, 1999], Orloff [Orloff, 1996], Pedersen [Pedersen, 1993], Pateman [Pateman, 1988], Sainsbury [Sainsbury, 1996]. См.: Hernes [Hernes, 1987], где дается определение государственного феминизма.

³ Walby [Walby, 1990] только обсуждает публичные патриархии, но эссе Brown [Brown, 1992] — это прямое осуждение взаимоотношений женщин и государства.

другой стороны, это же государство вынуждает женщин подчиниться бюрократической публичной иерархии¹.

В Центральной и Восточной Европе публичная дискуссия фокусируется на других аспектах: дебаты здесь в основном строятся на противопоставлении государства и рынка, на противопоставлении форм «общественной», «публичной» и форм «частной» поддержки социального обеспечения. В свете радикальной институциональной перестройки, начатой в 1989 году, это вряд ли удивительно. Однако эффектом такого резкого противопоставления государства и рынка стало сглаживание различий, которые существуют как между разными государствами, так и между различно регулируемые рынками. В Центральной и Восточной Европе наблюдается относительно слабый интерес к общественному обсуждению *различных* видов государственных мер и *различных* последствий проектов социального обеспечения, обусловленных исходным контекстом — будь то, допустим, консервативная или социал-демократическая интерпретация демократии, или разные модели гражданства, или разное видение роли, которую государство должно играть в рамках глобальной экономической системы. Отсутствует здесь и критическая оценка участия неправительственных организаций в сфере социального обеспечения. Редко привлекается внимание и к гендерным последствиям решения о выборе той или иной политической практики².

Как мы предполагаем, одной из причин, по которым общественные дискуссии практически полностью сконцентрировались на вопросе о способе разрешения противостояния рынка и государства для объединения продуктивного и репродуктивного труда, является роль семьи — как на практике, так и в дискурсе — этот период драматической социетальной перестройки. Безусловно, наследие страха и недоверия к коммунистическому государству имеет глубокие корни, и его разделяют как либералы, так и почвенники. Для многих недоверие к государству выражается в стойкой аллергии на государственное регулирование любого вида. Но одновременно с этим можно говорить и о наличии сильной ностальгии, особенно среди менее удачливых слоев населения, по стабильности, которая ощущалась в последние годы коммунистической эпохи. Хотя дискуссии о семье везде пронизаны идеологией, специфика подобных дебатов в Центральной и Восточной Европе создает поучительный контраст с дискуссиями, параллельно протекающими в западных странах.

В США неоконсервативные и центристские дискуссии уже несколько десятилетий делают упор на «кризис» семейной жизни. Заявляя, что семья «больна», они призывают людей, церковь, местные и федеральное правительства «вылечить» ее. Осуждая распад семьи, они клеймят все виды социальных проблем, которые, по их мнению, происходят из-за аморального отказа от «семейных ценностей»: рождение детей вне брака, рост гомосексуальности и безответственность мужчин, а также и пагубные последствия второй волны феминизма.

¹ См.: Siim [Siim, 1988]. Edwards [Edwards, 1991] утверждает то же самое, используя как пример шведские политические дебаты, в которых активное женское политическое участие было признано и имело большой практический эффект. Gordon [Gordon, 1990] дает обзор этих дебатов, а Leira [Leira, 1992] высказывает те же мысли, ссылаясь на специфику материнства.

² Те специалисты в регионе, которые критиковали социалистические системы социального обеспечения и предлагали различные варианты смешанных решений, потеряли доверие или стали использовать рыночные подходы. Иностранцы эксперты явно склоняются в сторону доминирования и престижа рыночного решения проблемы в регионе, хотя и они также иногда предостерегают от слишком большого доверия к рыночным механизмам. Как заметил один венгерский комментатор: «Местных аналитиков сразу же обвиняют в ретроградстве и анти-рыночном поведении, если они будут высказывать подобные утверждения» [Ferge, 1995. P. 156]. Greskovits [Greskovits, 1998, chapters 3, 4], анализируя политические дебаты в различных странах, показывает, что спектр мнений к 1990-м годам сузился так сильно, что нелиберальные позиции возобладали даже без прямого внешнего влияния. Как отмечалось многими исследователями, в различных странах аргументы в пользу рыночных механизмов в течение 1980-х годов имели большой вес, потому что они кодифицировали мнения, указывающие не только на экономику, но и на стремление к демократической политике, которое не могло в то время обсуждаться открыто.

Феминистки действительно настаивали на таком изменении семейных форм и отношений, которые позволили бы женщинам — наряду с получением работы — обрести автономию и избавиться от зависимости от конкретных мужчин. Однако какими бы не были реальные причины новых семейных форм, неоконсерваторы на самом деле могут опереться на реальные статистические изменения, в том числе и рост разводов, снижение рождаемости, увеличение числа родителей-одиночек и статистический упадок «идеального» в их понимании домохозяйства, состоящего из мужчины-добытчика, зависящей от него жены и двоих детей.

Сходные изменения в семье произошли и во многих частях Западной Европы. Например, в Швеции 63 % всех домохозяйств состоят только из одного человека, а высокий уровень разводов в сочетании с относительно высокой рождаемостью приводит к тому, что половина детей рождается вне брака. Частично подобные изменения семьи стали возможными благодаря мерам социального обеспечения, так как компенсация доходов и меры по поддержке родителей сократили важность «семейных форм». Но, несмотря на дебаты по поводу будущего социального государства и участия женщин в политике, продолжающиеся в Швеции, формы семьи, судя по всему, не являются главными причинами беспокойности¹.

Семья в общественных дискурсах стран Центральной и Восточной Европы отличается от обеих моделей, приведенных выше. Перед лицом огромных социальных изменений семья рассматривается обществом в целом как институт, способный обеспечить связь с прошлым. Семья сегодня идеализируется и женщинами, и мужчинами точно так же, как в свое время в крестьянстве пытались романтически увидеть носителя всего «подлинного». Многие исследователи, например, говорят о том, что женщины оказались лучше приспособленными к постсоциалистическим изменениям потому, что их идентичность тесно связана с прочным фундаментом семьи, то есть с тем, что остается привычным и знакомым даже во времена войн и всеобщих потрясений. Даже начавшийся в 1989 году резкий рост заболеваний и смертности мужчин, особенно по сравнению с такого же рода статистикой у женщин, объяснялся тем, что уровень стресса у женщин ниже благодаря неизменности их семейной роли. Суть подхода, видимо, заключается в том, что, несмотря на общественные перемены, личная жизнь остается неизменной. Во многом эти дискуссии повторяют уже известные положения марксизма и теории модернизации, которые точно так же связывали значимые социальные изменения в основном с публичной сферой или сферой общественного производства².

В то время, как государство и другие социальные институты у большей части населения вызывают сомнение и подозрительность, семья становится объектом сакрализации. И не только в среде почвенников. Ностальгические воспоминания сегодня часто рисуют семью коммунистической эпохи как автономную единицу, неподвластную влиянию коррумпированного государства и политики. Частное домохозяйство продолжает восприниматься как надежный кров, под прикрытием которого люди могли жить честно, подлинно, значимо. И если в коммунистический период опасность виделась в навязчивости государства, то сегодня она часто представляется в виде неопределенности и ненадежности государственных действий, в незащищенности рынка и рабочего места. В итоге, несмотря на десятилетия глубоких изменений в составе

¹ О статистике в США и дискурсе по поводу социальной политики, особенно ее исторических аспектах, см.: Skocpol [Skocpol, 1992] и Gordon [Gordon, 1990]. Шведскую статистику см. у Carlson [Carlson, 1990], Esping-Andersen [Esping-Andersen, 1996].

² См. дискуссию о причинах роста показателей заболеваний и смертности у Eberstadt [Eberstadt, 1993], Standing [Standing, 1996], Watson [Watson, 1995].

домохозяйств в Центральной и Восточной Европе (огромный рост числа разводов и родителей-одиночек, сокращение рождаемости, уменьшение пособий по рождению и уходу за ребенком и т. п.), образ стабильной независимой семьи все еще не потерял своей актуальности ¹.

Подобная идея восточноевропейской семьи — в виде изолированного островка, остающегося неизменным в море социальной нестабильности, — должна пониматься как дискурсивная конструкция, точно такой же продукт политической идеологии, как и американские неоконсервативные попытки видеть в изменяющихся формах семейных и гендерных отношений причины всех социальных бед. Ирония заключается в том, что до 1989 года во многих странах Центральной и Восточной Европы взгляды коммунистической пропаганды на семью во многом совпадали с аналогичными взглядами западных неоконсерваторов. Обе идеологии делали упор на том, что деградирующий капитализм и «феминизм» разрушили самую большую ценность — семью. Согласно официальной идеологии, семейные отношения при коммунизме были лучше капиталистических семейных отношений, что — опять-таки не без иронии — действительно совпадало с повседневным опытом людей. Ибо семья — частная, вторичная, теневая экономика — часто понималась как место, позволяющее скрыться, защититься от самого государства. Вспоминая антиполитический настрой социалистической эпохи сегодня, многие люди говорят о семье как о «месте сопротивления» коммунизму.

При наличии подобного дискурсивного контекста — в совокупности с фискальным давлением со стороны международных инвестиционных организаций по сокращению расходов — вряд ли кажется удивительным, что число политиков, способных увидеть в социальном обеспечении постсоциалистическое средство изменения семейной жизни или механизм создания равенства в гендерных отношениях внутри домохозяйства, крайне невелико. Пенсионные программы и пособия по безработице пользуются гораздо большим вниманием у политиков, нежели меры по поддержке родителей и детей ².

Понятно, что подобная версия семейной политики — не единственный способ концептуализации семьи в Восточной и Центральной Европе. Другой комплекс мнений и доказательств, применяемый некоторыми аналитиками как внутри, так и вне региона, утверждает альтернативное понимание «семьи» в социалистическую и постсоциалистическую эпоху. Согласно этим взглядам, «независимая» или «противостоящая государству» семейная экономика (вторичная, домашняя, частная) на самом деле при социализме паразитировала на государстве, а государство, в свою очередь, паразитически использовало эту форму семьи. Частное производство использовало ресурсы и время, отобранные у публичного сектора. Несоответствие публичного сектора, в свою очередь, фактически толкало людей на поиски иных источников дохода, способных обеспечить необходимые услуги и предметы потребления (строительство новых домов или ремонт машин, которыми государство обещало, но было не в состоянии обеспечить население).

Формула «публичное—и—приватное» конституировала систему, в которой практики, считавшиеся публичными, находились в приватном контексте, а практики, считавшиеся приватными — воспринимались как часть публичных; череда подобных делений могла длиться до бесконечности. Таким образом, идеология оппозиции государства и семьи (оп-

¹ См. у Goven [Goven, 1993] and Lapidus [Lapidus, 1978] обсуждение того, почему именно женщины становятся основным объектом критики. См. также содержательный обзор в работе Einhorn [Einhorn, 1993]. Изменения в статистике и семейных формах Центральной и Восточной Европы собраны у Mitchell [Mitchell, 1992].

² В Венгрии 1980-х годах можно было увидеть воинствующий феминизм, хотя там не было даже феминистского движения. В других странах, таких как Румыния, опасность капитализма являлась первоочередной темой для обсуждения. См. у Gedeon [Gedeon, 1995], Offe [Offe, 1993], Szalai [Szalai, 1993–1996] примеры того, какие аспекты социальной политики обсуждались наиболее активно в регионе в середине 1990-х годов.

позиция общественного и частного) и стремление видеть в семье воплощение чего-то подлинного и честного, столь широко распространенные в регионе, вступают в противоречие с гораздо более сложным комплектом практик, связывающих воедино семью, домохозяйство и государство.

Краткое сравнение социального обеспечения – наименее популярной и наименее героической страницы истории взаимоотношений семьи и государства – в Центральной и Восточной Европе с другими моделями социальных государств оказывается весьма иллюстративным. Коммунистические правительства брали на себя ответственность, по крайней мере, в принципе, за обеспечение основных потребностей граждан с целью облегчения последствий экономического неравенства. Они сделали своей целью и источником, как политической, так и моральной легитимности, поддержание относительной справедливости в уровне дохода. Более того, они по крайней мере планировали наделить женщин социальными правами, обеспечить их занятость, создать систему ухода за детьми и обобщить другие функции домохозяйства. И хотя ход исторического развития стран Центральной и Восточной Европы сильно отклоняется от тех траекторий развития, которым следовали социальные государства на Западе, тем не менее и этим странам тоже удалось построить своего рода (неудачное) социальное государство, если в качестве основного критерия брать классическое определение социального государства как государства, стремящегося обеспечить основные потребности своего народа.

Многие современные модели, используемые для анализа социальных государств, вступают, однако, в очевидное противоречие с моделью государственного социализма. Например, либеральные, корпоративные и социально-демократические идеалы полагаются на «социальные сферы» (social arenas) рынка, семьи, государства и добровольческого сектора, которые различными путями и в разной степени производят достаточно отличные друг от друга структуры социального обеспечения. Эти структуры отражают иные установки по поводу целей системы социального обеспечения и ее влияния на распределение доходов и иерархию, особенно внутри семьи.

Как, например, заметил Госта Эспинг-Андерсен, в начале 1990-х годов США, возможно, являли собой лучший пример либеральной модели, в которой поощрялся рынок, а помощь оказывалась только тем, кто не мог удержаться в его рамках. Германия наоборот была хорошим примером корпоративистского государства всеобщего благосостояния, которое, сохраняя статусные различия, полагалось на традиционную семью; при необходимости, однако, государство было готово заменить собой рынок для оказания помощи нуждающимся. Швеция представляет собой универсалистское государство всеобщего благосостояния, которое базируется на социально-демократических принципах и в своем признании равенства между женщинами и мужчинами зашло, пожалуй, дальше всех. Государство в данном случае не только берет на себя покрытие расходов, вызванных провалами рыночной системы, но и выводит за пределы действия рыночных принципов услуги, необходимые для формирования и поддержания семьи¹.

Коммунистические государства не соответствуют ни одной из этих моделей. На протяжении многих лет практические и политические соображения вытесняли любую продуманную и специфически коммунистическую социальную идеологию социального обеспечения. Изменения на рынке рабочей силы и всплески и падения рождаемости влияли на взгляды специалистов по планированию, принимавших решения о масштабах женской

¹ Esping-Andersen [Esping-Andersen, 1990] дает подробный анализ различий в политических практиках, последствиях и историческом развитии различных типов таких государств. См. также: Barbalet [Barbalet, 1988], где дана показательная дискуссия о развитии социальных прав в противоположность политическим правам. Самым главным и значимым различием здесь является разница между универсалистским государством и теми государствами, чьи средства обеспечения подвергаются испытанию и потому легко могут быть осуждены.

занятости, продолжительности отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком, размерах пособий многодетным семьям. Более того, несмотря на сходные идеологические взгляды и политические системы, практики и политические последствия, касающиеся «социального обеспечения», сильно различались среди стран Центральной и Восточной Европы. Тем не менее это не остановило ряд исследователей от того, чтобы сгруппировать опыт коммунистических стран под общим названием — «система социального обеспечения бюрократического коллективистского государства»¹.

Мы не собираемся предлагать свою типологию, еще меньше нас волнуют вопросы соответствия различных стран выработанным критериям и схемам. Нашей целью является сравнительный анализ социалистических, постсоциалистических и западных систем социального обеспечения. Наиболее полезными для такого рода попытки являются пять сравнительных параметров, сформулированные в обширной феминистской литературе по типологии государств всеобщего благосостояния.

Первым таким параметром является относительная устойчивость идеала мужчины-добытчика или главного лица, обеспечивающего семью, в структуре и идеологии, которые стоят за отдельными политическими практиками социального государства. В своей важной сравнительной работе Эспинг-Андерсен и его коллеги пренебрегли описанием способов, с помощью которых государство может облегчить осуществление женских репродуктивных и домашних обязанностей. В рамках в целом полезной теоретической схемы этих авторов особое внимание уделяется пенсиям и программам поддержания уровня дохода, социальным благам, используемым в большинстве своем мужчиной-работником как конечным получателем. В свою очередь, вопросы об отпусках по уходу за ребенком и проблемы поддержки родительства остались неосвещенными. Даже при рассмотрении процесса декоммодификации — то есть таких мер социального обеспечения, которые позволяют освободить их получателей от рыночной зависимости — исследования Эспинг-Андерсена обошли вниманием тот факт, что зависимость мужчин от рынка иногда равносильна получению бесплатных услуг, предоставляемых женщинами внутри своих семей. Признание этой точки зрения проливает свет на те установки о гендерных отношениях, из которых обычно исходят при более традиционном анализе социальной политики. Следствием такого подхода может стать, например, противопоставление консервативной, мужской политики Германии и Британии, поддерживающих уровень семейных доходов, но не ставящих заботу о детях своей первоочередной задачей, политике скандинавских стран, где превалирующее большинство женщин имеет работу (часто это неполный рабочий день), а общественный уход за детьми — в доступном избытке².

Данный параметр сравнения — относительная устойчивость идеологии добытчика — характерен и для государственного социализма. Коммунистические страны также взяли на себя идеологические обязательства по достижению гендерного равенства посредством обеспечения полной занятости для женщин и для мужчин. Все пособия были связаны с участием в наемном труде, что на практике сделало его обязательным. Для женщин это означало сокращение зависимости от конкретного мужчины и увеличение прямой зависимости от государства. Более того, выплата пособий носила универсальный характер — все матери получали субсидии вне зависимости от разме-

¹ См. о практически противоположных политических мерах венгерских и румынских политиков у McIntyre [McIntyre, 1985]; см.: Deacon [Deacon, 1992^b] о новых категориях.

² Подход с точки зрения добытчика см. у Lewis and Astrom [Lewis... 1992], позднее он был детализирован у Lewis [Lewis, 1997]. См. также: мнение других ученых в специальном выпуске журнала *Social Politics* [Social Politics, 1997]. Подобного рода критика была дана Hobson [Hobson, 1994] и другими учеными у Sainsbury [Sainsbury, 1994].

ра и реальной потребности в данных выплатах. Однако в некоторых странах пособия по материнству и другие, связанные с ними выплаты, увязывались с предыдущим доходом матери.

При попытке оценить социалистический период важно принимать во внимание не только идеологические взгляды, бытовавшие в разных странах, но также и последствия реальной политики. Несмотря на очевидную приверженность к гендерному равенству, политическая практика коммунистических государств практически полностью игнорировала противоречие между одновременным стимулированием рождаемости и требованием полного рабочего дня для женщин. Предлагаемые решения – типа пособий по материнству – в итоге создавали неблагоприятные условия для женщин-работниц; ставя их в уязвимое положение, государство тем самым лишь усиливало гендерную стратификацию заработной платы и занятости. Практически на протяжении всего коммунистического периода и практически во всех странах женщины постоянно зарабатывали на 30–40 % меньше мужчин. В последние десятилетия коммунизма женщины практически отсутствовали в сфере управления, даже в тех секторах и профессиях (например, в сфере образования), где их было большинство.

Таким образом, в отличие от скандинавской литературы, в данном случае вопросы признания и оценки женского труда и проблемы теоретического обоснования соотношения между оплачиваемой и неоплачиваемой работой не освещались. Политическая практика была нацелена на изменение поведения женщин, но не мужчин, и на протяжении всего коммунистического периода разделение труда между полами в рамках домохозяйства изменилось мало. Хотя женщины и становились наемными работниками в большом количестве и во многих странах, активно принимая участие во вторичном экономическом секторе, они также сохраняли за собой и основную ответственность за воспитание детей и работу по дому.

В постсоциалистический период политическая практика не всегда была связана с идеологией «добытчика», но и в этом случае она имела свои гендерные последствия, отразившиеся на значимости «ухода» и заботы. Большинство пособий продолжает зависеть от занятости, что представляет большую проблему для женщин, диспропорционально широко представленных среди безработных в большинстве стран региона. Кроме того, благодаря новой политике в отношении к безработице, пособия часто индексируются по отношению к предыдущим заработкам и стажу работы, опять-таки ставя женщин в уязвимое положение. Сходным образом индексируются и пенсии – самая большая статья расходов в текущих социальных бюджетах стран Центральной и Восточной Европы. Все еще является нормой более ранний возраст выхода на пенсию для женщин; женщины также «теряют» годы рабочего стажа из-за отпуска по уходу за ребенком. Таким образом, женщины-пенсионерки, как правило, испытывают большую опасность оказаться у черты бедности. Общая текущая пенсионная политика в сочетании с ее конкретными проявлениями, создающими неблагоприятные условия для женщин, достигла кризисных пропорций после 1989 года, когда стал поощряться досрочный уход на пенсию в целях уменьшения безработицы среди молодого поколения¹.

Пособия по материнству и другие семейные выплаты, выплачиваемые семьям наличными после рождения ребенка, представляют еще одну категорию субсидий. Созданные для поддержки детей во всех видах семей, они были универсальными по своему охвату и последствиям и исходили из общей посылки о том, что забота о детях до некоторой степени является прямой обязанностью государства. Попытки отмены или ограничения дан-

¹ О пенсиях и изменении в пенсионной политике в регионе см.: Fox [Fox, 1994], Nelson [Nelson, 2000], Andrews [Andrews, 1996].

ных пособий вызвали серьезную негативную реакцию среди населения. План экономии Бокроша принятый в Венгрии в 1995 году, является красноречивым примером ¹.

Наряду с введением платы за лечение и образование, этот комплекс законов требовал и проверки степени нуждаемости в пособиях на детей и в связи с рождением ребенка. Введение этих мер оправдывалось дефицитом бюджета и сопровождалось пояснениями о том, что пособия должны предоставляться только тем, кто в них действительно нуждается. Но после того как этот проект был опротестован в Конституционном суде, многие ограничения были сняты. Неолиберальная критика утверждала, что суд незаконно помешал экономической реформе: конституция ясно устанавливает, что Венгрия не является государством всеобщего благосостояния. При этом для удовлетворения широких слоев населения, концепция «материальной справедливости» использовалась судом, чтобы поддержать многие из принятых ранее мер по социальному обеспечению. Сходные дискуссии прошли и в Польше, обнажая в целом появившиеся социальные разногласия с особой очевидностью ².

Говоря о более широком контексте, необходимо отметить отказ от государственных субсидий в и без того малооплачиваемой и перегруженной сфере здравоохранения и услуг по уходу за маленькими детьми в пользу пособий по безработице и пенсионных выплат, которые, в общем, более выгодны мужчинам, нежели женщинам. Подобные меры оставляют открытым вопрос о том, кто будет выполнять работу по уходу за детьми, больными и престарелыми. Например, чешские политики, подобно венгерским и всем остальным, открыто встали на консервативную позицию «субсидиарности», утверждая, что государство должно создавать условия для хорошей жизни, но должно помогать только тогда, когда сама семья сделать этого не в состоянии. Следуя такой позиции, коммунистическая иллюзия о бесплатном уходе должна была быть ликвидирована путем установлением очевидной зависимости между выплатами в виде налогов и страховочных планов, и тем, что люди получают обратно в качестве поддержки. Теперь сами люди — с помощью заработка и сбережений — должны «активно» взять на себя ответственность за свою жизнь и благосостояние их семьи и близких. Вновь, словно повторяя попытки коммунистов по созданию «нового человека», жители Востока Европы должны «ре-формировать» себя как нацию ³.

В данной риторике примечательна возрастающая роль семьи. Как только женщины теряют работу или вступают в неформальные или временные экономические связи, они (а не некая абстрактная семья) вероятнее всего будут составлять большую часть нуждающихся в медицинском обслуживании, льготах по уходу за детьми и пенсионных выплатах. Ликвидация субсидий является попыткой облегчить формирования государственного бюджета и одновременно стимулировать приватизацию такого рода услуг. И действительно, уход за детьми, престарелыми и больными часто коммерциализируется по мере того, как сами женщины вступают в сферу мелкого предпринимательства, включающего такого рода услуги. Однако политическая практика, основанная на данных принципах, может легко декоммодифицировать (или наоборот — приватизировать) сам женский труд — путем увеличения спроса на работу по уходу внутри тех семей, которые не в состоянии оплачивать приватизированные услуги.

¹ План получил такое название по имени министра финансов — Лайоша Бокроша (Lajos Bokros) — прим. переводчика.

² См.: Sajo [Sajo, 1996], где дается критика событий в Венгрии. Польские попытки ограничения социальных трат на семью обсуждаются у Rutkowski [Rutkowski, 1998] и Barr [Barr, 1994].

³ См. примеры такого рода планов: Svejnar [Svejnar, 1995]. Подобные примеры из других стран: Roxin and Hóos [Roxin... 1995], Sipos [Sipos, 1994], Vinton [Vinton, 1993], Okolicsányi [Okolicsányi, 1993].

В отличие от подобной политики, предложения по выплате государственных пособий тем, кто ухаживает за престарелыми родственниками, представляет собой несколько необычную комбинацию принципов, позволяющую отойти в сторону от традиционной идеологии «кормильца» семьи. Такой план придал бы денежное выражение социальной работе, чего достаточно долго добиваются западные феминистки. Но в то же время, в силу своей очевидной гендерной специфики, такие меры привели бы к вымыванию женщин из числа тех, кто мог бы претендовать на более высокооплачиваемую работу. Вновь возродившаяся идеология «кормильца семьи», судя по всему, не встречает противодействия своему распространению в регионе, хотя и может видоизменяться в зависимости от социального положения и поколения. Как свидетельствуют этнографические исследования, и мужчины, и женщины в регионе начинают воспринимать жен-домохозяйек в качестве желаемых символов мужественности представителей профессиональных групп или управленческого звена¹.

Вторым параметром сравнения западных социальных государств и коммунистических/постсоциалистических стран являются показатели и формы женской занятости. Полезно вспомнить, что в западных социальных государствах так же, как и при государственном социализме, массовый приток женщин на рынок труда произошел после Второй мировой войны и был вызван расширением сектора услуг, особенно тех, которые составляли основу социального обеспечения. Причины расширения государственной сферы носили разный характер на Западе и на Востоке, и в науке не сложилось единого мнения по поводу причин, вызвавших послевоенный бум социальных государств.

Некоторые утверждают, что по мере того, как капиталистические отношения разрушали традиционные формы социального обеспечения, а рабочие приобретали навыки в организации и защите своих интересов, демократическая политика сделала возможным открытое выражение их требований, связанных с перераспределением доходов. В зависимости от теоретической установки пенсии, пособия по безработице и другие льготы могут рассматриваться, например, как способ облегчения классовых трений, как осуществление контроля и надзора за группами населения, которые могли поставить под угрозу интересы капиталистических и – шире – правящих элит. Либо эти меры могут трактоваться как расширение и, в конечном итоге, универсализация полного, социального гражданства. В качестве работников женщины были неиспользованным резервом рабочей силы, которую можно было бы задействовать в процессе расширения государственных услуг.

С другой стороны, женская занятость на Востоке Европы явилась одним из главных идеологических принципов государства. Поголовная занятость посредством централизованного контроля за производством (и воспроизводством), наряду с государственным обеспечением основных социальных льгот для всех граждан, составили основу социалистической стратегии модернизации, в то же самое время легитимируя государственный социализм как систему, которая позволяла рабочим войти в современность более справедливым и равноправным путем.

Основным моментом для анализа данного параметра является тот факт, что только при коммунизме участие женщин в трудовых отношениях являлось принудительным. Многие специалисты утверждают, что занятость, диктуемая государством, не обязательно являлась признаком женской эмансипации. Женщины Центральной и Восточной Европы чувствовали себя перегруженными и разочарованными, поскольку для них занятость являлась обязательной повинностью, налагаемой государством. Неспособность

¹ См. обсуждение проблемы «ухода за детьми и престарелыми» в западных государствах всеобщего благосостояния: Knijn and Ungerson [Knijn... 1997]. Этнографические данные о государствах Центральной и Восточной Европы собраны: у Gal and Kligman [Gal, 2000].

удовлетворить повседневные потребности, особенно по уходу за детьми, порождали чувство вины. В свою очередь, на Западе женская занятость обычно увязывается с обретением женщинами чувства значимости и автономности, прежде всего потому, что женщины сами боролись за получение доступа к труду¹.

Никто не отрицает принудительных аспектов коммунистических государств. И тем не менее мы считаем необходимым пересмотреть только что обозначенное принципиальное отличие. Нет никаких прямых доказательств, подтверждающих стремление женщин на производстве в 1950-х годах, когда политическая практика подобного рода получила широкое распространение. Как утверждает Жужа Ферге, основываясь на исторических данных и на своем собственном опыте, реакция на участие женщин в производстве зависела, по крайней мере частично, от стадии жизненного пути конкретной женщины и ее политических взглядов на коммунистические идеалы, также как и от экономического и социального окружения, в котором они начинали свой путь в рабочие. Несмотря на определенное сопротивление, для одних женщин (особенно из бедных или рабочих семей) занятость уже давно являлась нормой, а для других (молодых и амбициозных) работа открывала новые перспективы.

За тезисом о принуждении также стоит допущение о естественном месте женщины в процессе воспроизводства населения: никто не спрашивает мужчину, хочет ли он «работать». Право мужчины на труд обычно рассматривается как освобождение от давления рыночной экономики. Опыт других социальных государств позволяет взглянуть на эту проблему иначе. Как показывает статистика, в 1970-х годах шведское правительство увязало родительские льготы с занятостью, разработав налоговое законодательство, стимулирующее семьи, имеющие двойной доход. Благодаря возникшим структурным ограничениям, женщины, решившие остаться дома, вне сферы оплачиваемого труда, оказались в неблагоприятной ситуации².

Проблему можно сформулировать шире — что означает «принуждение»? То есть, как люди воспринимают определенные формы контроля со стороны государства и рынка и свои гражданские права в государстве всеобщего благосостояния? Проблематизация такого рода крупных аналитических концепций характерна для общего направления феминистских исследований о государстве всеобщего благосостояния. Сходная проблема поиска новых определений типична и для постсоциалистического периода. Например, женщины в Венгрии чаще, нежели мужчины, продолжают работать в низкооплачиваемом государственном секторе. Однако низкая зарплата в таком случае подталкивает женщин к стратегии поиска многочисленных неформальных, непостоянных работ. Эти хорошо оплачиваемые работы позволяют иметь гибкий временной график, но не дают социального страхования и льгот. Поразительным в этом случае является то, что в подобных стратегиях отражается преемственность со временами государственного социализма. Тогда «непостоянные» работы позволяли женщинам и их семьям путем самоэксплуатации удовлетворять свои потребительские запросы в условиях экономики постоянного дефицита. Несмотря на изменившиеся обстоятельства, сегодня женщины используют те же стратегии самоэксплуатации для выживания и удовлетворяют своих потребностей и потребно-

¹ Условия женской занятости на Западе и Востоке отличались и в других отношениях. Даже в таких государствах всеобщего благосостояния как Швеция, где работало 80 % женщин, большинство из них работали не полный день или на полставки. В Центральной и Восточной Европе, где женская занятость была также высока (варьируясь от 50 % до 80 % в зависимости от страны) наоборот, полный рабочий день остается нормой, хотя женщины все больше переходят на неполную занятость, часто в дополнение к своей основной работе.

² Ferge [Ferge, 1997] дает обзор трудной проблемы принуждения. См. также: Szalai [Szalai, 2000], Daskalova [Daskalova, 2000], Einhorn [Einhorn, 1993], Petrova [Petrova, 1993]. Lewis and Astrom [Lewis.. 1992] дают анализ шведского примера, на который мы полагаемся в нашей статье. Оказывается, решение по рекрутированию женщин в рабочую силу мотивировалось частично желанием не допускать иммигрантов к занятости.

стей своих семей в условиях периферийного «развивающегося» капитализма. В свою очередь, эти стратегии отвечают и интересам частных фирм, обеспечивая их относительно дешевой рабочей силой.

Значимо то, что ранее необходимость данной стратегии воспринималась социальными акторами как следствие коррумпированности и аморальности «системы», неспособной выполнять свои обещания. Повышенная занятость трактовалась как несправедливое принуждение. С 1989 года, однако, одновременная работа в нескольких местах стала восприниматься как индивидуальная проблема. Ее структурные и гендерные характеристики, которые можно было бы назвать рыночным принуждением, стали невидимыми. Для многих, чувство незащищенности в области труда, также как и во многих других областях, стало обыденной частью повседневной жизни. При этом подобная ситуация не воспринимается как следствие чьей-либо вины или как часть видимой системы, выступая не принуждением, а лишь необходимостью, с которой предприимчивые работники вынуждены считаться, чтобы выжить в постсоциалистическом, постфордистском мире. Мы настаиваем на реконтекстуализации и придании политического значения такого рода изменениям. Вопрос о том, что считается «принуждением» в каждый конкретный исторический момент идет рука об руку с вопросом о том, что такое «выбор» и частично зависит как от перспектив, доступных тем, кто принимает решение, так и от дискурсов и политических обстоятельств.

Третий параметр сравнения западных социальных государств и коммунистических/постсоциалистических стран касается изменяющихся и изменяемых оснований, на которых могут строиться обращения к государству. В своей влиятельной работе Фрейжер показала, что «потребности» конструируются и формируются, что они вступают в контраст с «правами», призванными быть юридически обоснованными требованиями, предъявляемыми государству. И те, и другие создаются и модифицируются в ходе дискурсивных и политических конфликтов.

Требования социального обеспечения предоставляют еще один способ конструирования отношений между государством и его гражданами при помощи дискурса и политики. Сложившаяся практика помощи и выдачи пособий матерям, родителям, работникам или гражданам является ключевым моментом для определения форм помощи, так же как ее более широких социальных последствий. Как уже неоднократно отмечалось, политические программы, да и целые режимы социального обеспечения, значительно отличаются историей, которая привела к формированию существующих ролей и отношений. В зависимости от ситуации, опыт политических или философских дискуссий, законодательных процедур или, например, рабочих забастовок и соглашений между корпоративными группами может использоваться в качестве основания для убедительных и действенных требований к государству. Вопрос о том, какая часть помощи, каким образом и в каком государственном институте подлежит выплате, также являлся предметом разногласий. Исторические обзоры показывают, как западные социальные государства использовали в своей социальной политике деление бедных на «заслуживающих» и «не заслуживающих» государственной помощи. Приоритетность детей, военных и инвалидов, женщин и мужчин как адресатов государственной помощи изменялась во времени. Помощь, понятая как возмещение затрат, которые получатель понес ранее либо в денежной форме, либо в виде оказания услуг, например, государству, рассматривается иначе по сравнению с помощью, не имеющей подобного активного участия получателя. Многие формы государственной помощи, обычно получаемые мужчинами, — ветеранские выплаты, пенсионные льготы или компенсации по причине низких доходов — в некоторых странах даже не рассматриваются в качестве социальных.

Денежные пособия, не дифференцирующие получателей в рамках определенной группы, в истории западной социальной системы традиционно воспринимались более

позитивно по сравнению с теми формами помощи, для получения которой получатели должны соответствовать определенным критериям минимального дохода или плохого состояния здоровья. Даже продолжительность программ влияла на характер их восприятия среди населения. Программы, нацеленные на решение краткосрочных проблем (например, безработица), часто расцениваются иначе по сравнению с программами, направленными на долговременную борьбу с бедностью. Суммируя, можно заметить, что мотивация государственных затрат базируется не только на оценке экспертов-экономистов, но и на таких нравственных установках и политических целях, как, например: моральный аспект различий между большими и малыми доходами; необходимость поощрения рождаемости (пронатализм) с целью роста населения; приемлемость различных уровней безработицы, бедности и минимального размера оплаты труда; желательность женской занятости и т.п.¹

На протяжении большей части социалистического периода государственная помощь как таковая была гораздо менее видимой и более вездесущей, по сравнению с вышеперечисленными формами помощи, прежде всего потому, что она выступала в форме субсидий, призванных компенсировать относительно небольшую («сжатую») разницу в зарплатах. Занятость являлась конституционно защищенным правом на труд. Относительно дешевая еда, жилье и услуги не могли требоваться, поскольку обычно воспринимались либо как сами собой полагающиеся, либо как подарки со стороны патерналистского государства. Зачастую доступность этих подарков определялась связями и взятками или же должна была сопровождаться неформальными бартерными соглашениями в теневой (вторичной) экономике. Именно поэтому эксперты региона и до 1989 года подвергали социалистическую социальную систему настойчивой критике. Поскольку промышленная политика (работа, зарплата) объединялась с социальной политикой, предприятия и профсоюзы выполняли роль и производственных, и снабженческих институтов. Социальные проблемы было трудно отделить от производственных, что, в свою очередь, не позволяло работающим установить взаимосвязь между льготами и своими собственными действиями и нуждами. Услуги распределялись, как правило, недемократическим и произвольным путем. Партийные комитеты или другие местные политические органы по своему усмотрению могли определять получателей, объемы и способы осуществления помощи, создавая при этом специфические, уникальные формы неравенства. Наконец, набор средств, с помощью которых можно было обратить внимание властей на социальные проблемы, которые игнорировались или отрицались государством, был весьма ограничен. Существование бедности или безработицы не предполагалось, а потому и не влияло на формирование планов по улучшению существующих условий².

Нынешний период реструктуризации дает возможность увидеть, как по-новому конструируются и формулируются требования, предъявляемые к государству. Четкая линия на уход государства из системы социального обеспечения — наиболее очевидная при анализе конкретных случаев — позволяет лучше понять и объяснить возможности и ограничения таких требований.

Каталин Ковач и Моника Вареди в подробном исследовании венгерского города продемонстрировали ситуацию, сложившуюся с женщинами — работницами консервного завода. Во времена социализма завод-патерналист обеспечивал большую частью

¹ См.: Barr [Barr, 1994]. Вопрос, который мы не рассматриваем здесь детально, — это предел, до которого государство готово делить ответственность с добровольными, некоммерческими или неправительственными организациями [Götting, 1995, Szédmán, 1995], [Hobson, 1994] и [Barbalet, 1988].

² См. примеры ранней критики в регионе: Szalai [Szalai, 1991]. Berdahl [Berdahl, 1999], где обеспечивается этнографический материал стратификации в соответствии с системой «связей» в Восточной Германии, о ситуации в Румынии см. также: Kligman [Kligman, 1998].

жизненной инфраструктуры своих рабочих — работу, отдых, участие в политических делах, уход за детьми, продовольственное снабжение, парикмахерские и другие бытовые услуги — заменяя как поддержку мужей, так и другие семейные связи. Биографические интервью показали, что женщины этого завода практически не имеют никакой жизни вне производства. Приватизация завода привела к ликвидации большинства из этих услуг: иностранная компания, купившая консервный завод, отказалась от предыдущей социально-ориентированной политики. В результате работницы оказались лишены традиционных услуг, как и других ресурсов, включая человеческую поддержку, способных восполнить эту утрату. Их заработная плата была не достаточной для того, чтобы компенсировать потери, а конкуренция, сложившаяся по причине увольнений из-за временной приостановки производства, усилила социальные трения внутри завода. Родственники были озабочены своими собственными проблемами. Важно то, что меры по помощи безработным и бедным, которые были введены с целью борьбы с жесткими последствиями «переходного периода», не помогли этим женщинам. Они не являлись безработными и не попадали под официальные критерии нищеты, то есть у них отсутствовали основания, исходя из которых, можно было бы требовать помощи от государства. Медленно скатываясь к черте бедности и отчаяния, работницы являлись наглядным примером прямого наследия коммунизма, поощрявшего зависимость от государственного обеспечения и услуг, исчезновение которых постсоциалистическое «социальное обеспечение» восполнять не спешило.

Еще один пример демонстрирует путь эффективного формулирования требований. Джоана Гавен в своем исследовании показывает, как сочетание локальных дискурсов с распоряжениями международных кредитных учреждений было использовано в Венгрии при конструировании «потребностей», идентичностей и, таким образом, новых требований, связанных с программами отпусков по уходу за ребенком. Частично это было достигнуто благодаря определению категорий нуждающихся и ненуждающихся граждан и резонансы различных форм государственных обязанностей по отношению к ним. Дебаты венгерского парламента по поводу отпусков по уходу за детьми в начале 1990-х годов проходили в обстановке, когда политические партии отстаивали свою легитимность, испытывая при этом озабоченность расширением прав населения на выражение своего собственного мнения. Социальные программы установили различные категории льгот, прав и выплат для лиц разного социально-структурного положения и тем самым позволили дифференцировать политическую базу партий¹.

Парламентская дискуссия и итоговые меры соответствовали неолиберальным рекомендациям Всемирного Банка. Все согласились с тем, что всеобщая выплата пособий матерям, практиковавшаяся на закате коммунистической эры, должна быть прекращена. Партии спорили, скорее, о том, кто именно должен стать получателем ограниченных ресурсов. Логика и терминология дебатов развивались в русле предыдущих дискуссий в Венгерском парламенте, ключевыми моментами которых стал тезис о социальных различиях, а не предложения Всемирного Банка. В то время, как министр (социалист) отстаивал помощь бедным, популистская оппозиция выступала за прямую поддержку семей этнических венгров средних слоев, чтобы обеспечить национальную преемственность и предотвратить демографическую катастрофу. «Матери» присутствовали во всех дискуссиях вместе со своими «потребностями» и «правом» оставаться дома вместе с детьми. «Женщины» и их право на труд или государственную поддержку ухода за детьми подозрительно отсутствовали. Так описала сложившуюся ситуацию Гавен:

¹ Подробнее см.: Goven [Goven, 2000].

«В данном случае была признана необходимость того, чтобы матери оставались дома с детьми... необходимость же (как для матерей, так и для детей) дополнительного внедомашнего ухода за детьми — нет. С этой дискуссией переплелось признание потребности (или права?) мужчин — но не женщин — в автономии; признание заинтересованности нации в детях среднего класса; признание потребностей (и права) семей среднего класса на компенсацию и автономию (например, на выплату пособий наличными без проверки действительного уровня нуждаемости и без ограничений или контроля за тем, как эти пособия тратятся); и признание потребности «других» семей в дисциплине и контроле со стороны» [Goven, 2000].

Этот пример демонстрирует, как дискурсивно создается упрощенная система социального обеспечения неолиберального государства, и как политика социального обеспечения порождает и укрепляет различные категории гражданства и привилегий.

В другом примере, взятом из постсоциалистического периода, изменения в структуре требований превратили воспроизводство (рождаемость) в механизм социального расслоения. Как мы отмечали выше, при государственном социализме социальные программы, связанные с материнством были всеобщими, то есть относились ко всем женщинам, становившимся матерями. Социалистическая стратификация, таким образом, не базировалась на репродуктивных отношениях. Например в условиях пронаталистской политики Чаушеску, доступ к (нелегальным) абортам для верхушки румынской коммунистической партии был более реален, чем для многих других. Однако необходимые связи не гарантировали отсутствия возможного шантажа и обвинений. Но введение отпуска по уходу за ребенком, практиковавшееся в рамках этой пронаталистской политики, имело положительный эффект, поскольку в силу всеобщности не приводило к социальной стигматизации.

Программа экономии, практикуемая с 1989 года, привела, однако, к дифференциации и неравенству в данной сфере. Например в Венгрии, этнические венгерки и цыганки бедных слоев, традиционно обращавшиеся к государству, подтверждающему престижность категории «мать», оказались под угрозой контроля со стороны социальных работников, заинтересованных в проверке не столько качества материнских навыков, сколько уровня материальных условий. В Восточной Германии, для того чтобы привлечь внимание работодателей, заинтересованных в «надежных» работниках, не требующих пособий по рождению и уходу за ребенком, женщины предпочли стерилизацию. Таким образом, с помощью различных способов стратифицированное материнство оказалось институционализированным. Семьи, которые могут себе это позволить, забирают детей из государственных яслей и детских садов, испытывающих нехватку персонала по причине недостаточного бюджета и других трудностей. Одновременно просьбы об общественной поддержке, предъявляемые к государству, стигматизируются, ассоциируются с бедностью и плохими навыками; в свою очередь, частные дошкольные и образовательные учреждения набирают силу¹.

Эти случаи вновь распространяющейся стратификации подвели нас к *четвертому параметру* сравнения между западной системой социального обеспечения и коммунистическими/постсоциалистическими государствами. Давно замечено, что отличием социальных государств является способ регулирования имущественного неравенства и различий в доходах. Государства с «либеральной» или «корпоративной» системой социального обеспече-

¹ См.: Haney [Haney, 1997] о новом восприятии роли венгерских матерей. Kligman [Kligman, 1998] обсуждает способы, по которым стратифицируется репродуктивная система в Румынии посредством ограничений и абортот. Среди многочисленных исследований эффекта стратификации на репродукцию в Германии см.: [Dölling... 2000] и в Польше — Zielińska [Zielińska, 2000].

ния принимают и стимулируют неравенство в доходах, создавая систему социальной поддержки, стабилизирующую социальную иерархию. Только «социально-демократические» государства идеологически преданы идее относительного экономического эгалитаризма и на практике пытаются поощрять соответствующие политические программы.

Если коммунистические государства Восточной и Центральной Европы на своем начальном этапе избрали приверженность идее относительного равенства доходов, то в постсоциалистическую эпоху такой официальной приверженности не наблюдается: все виды экономического анализа региона показывают, что неравенство в доходах резко увеличилось, соперничая по показателям в Западной Европе. Однако эти отчеты не принимают во внимание вклад, который внес в данное расслоение процветающий сектор неформальной экономики. В Польше, например, увеличивающаяся разница в доходах стала возможной в результате повышения зарплаты небольшой группе хорошо образованного меньшинства и нисходящей мобильности большинства, состоящего из тех, кто получил менее качественное образование.

Поскольку гендерные отношения являются ключевыми в восходящей или нисходящей социальной мобильности, важно рассмотреть взаимосвязь гендера со стратификационными показателями в период постсоциалистических реформ. Несколькими примерами проиллюстрируем то, как гендерные отношения регулируют и, таким образом, оформляют экономический процесс, результатом которого становятся новые формы семьи и новые виды гендерных отношений¹.

Женщины и мужчины Центральной и Восточной Европы сталкиваются с различными требованиями при устройстве на работу. Хотя оплачиваемый труд более не является обязательным, обычно работа всегда является видом полной занятости. Даже если бы женщины и предпочли уйти с работы для того, чтобы посвятить себя материнству — частично потому, что это кажется привилегией, которой женщины были лишены в социалистическую эпоху, — многие не могут себе этого позволить финансово. Две зарплаты являются существенным фактором для поддержания большинства домохозяйств. Государственные учреждения по уходу за детьми стали редкостью, частные учреждения — очень дороги. Различные женские стратегии по совмещению непостоянного и неформального труда с обычной работой в государственном секторе являются ответом на трудности, вызванные постсоциалистической политикой государства.

Мужчины же, наоборот, более активно участвуют в полной занятости в растущем частном секторе со всеми вытекающими льготами. Поскольку в большинстве стран мужчины не так часто работают на нескольких работах, с 1989 года гендер стал ключом к стратификации, которая отделяет стабильную занятость от нестабильных, но часто высокодоходных, возможностей. В этом отношении, как отмечают ряд венгерских исследователей, женщины находятся в более уязвимом положении. Однако, согласно исследованиям Юдит Шалаи, эта ситуация не столь однозначна: женщины, занятые на нескольких временных, разовых, субдоговорных и прочих работах, имеют бо́льшую занятость и зачастую более высокий доход. Женщинам, которые не сумели встать на этот путь, грозит перспектива безработицы или нищеты, ведущая к еще более резкой гендерной поляризации. Свидетельства такой неформальной нерегулярной занятости можно найти по всему региону. Система льгот сама по себе частично ответственна за процесс экономической неформализации (*economic informalization*), который стал характерен для Восточной и Центральной Европы, процесс, проходящий при активном участии самих работодателей. В Чешской республике в 1990–91 годах многие работодатели предпочитали нанимать только тех работников, которые имели раз-

¹ В работе Rutkowski [Rutkowski, 1998] содержатся подробности о распределении доходов в Польше.

решение на частную предпринимательскую деятельность, чтобы избежать, таким образом, социальных выплат. Большинство наблюдателей подозревают, что хотя эта практика и была объявлена годом позже незаконной, она продолжает существовать в завуалированной и скрытой форме. Такие договоренности взаимовыгодны, поскольку позволяют работникам избежать уплаты налогов на заработную плату. Учитывая высокий уровень развития неформальной экономики в Польше до 1989 года, трудно себе представить, что такие практики исчезли без следа сегодня¹.

Подобные свидетельства, как правило неполные, позволяют создать определенное впечатление о структурной ситуации, сложившейся среди женщин в условиях постсоциализма и представляющей резкий контраст с картиной гендерной стратификации в социальных государствах Запада. Эти свидетельства намечают траекторию формирования условий, ставящих женщин Центральной и Восточной Европы в уязвимое положение. Частично это является наследием коммунистического периода, частично же — результатом нынешней политики. На протяжении всего социалистического и постсоциалистического периодов заработная плата женщин была в целом ниже мужской. Домашние обязанности и услуги по уходу за детьми, приватизированные в условиях рыночной экономики, стали предметом гораздо меньшего общественного внимания, по сравнению со временами государственного социализма. Женские стратегии выживания, несмотря на всю их созидательность и находчивость, отражают продолжающееся структурное неравенство на рынке труда. В результате складывается особый тип гендерных установок, основой которых становится женская независимость от мужчины внутри домохозяйства, — модель, хотя и возможная для немногих, весьма успешных, мужей, но в целом недостижимая для большинства, — и независимость от материального государственного социального обеспечения, доступного только сильно нуждающимся на основании «проверки потребностей». Скорее, в основе этих установок лежат попытки женщин сочетать различные элементы стратегий занятости с вынужденной зависимостью от тех крайностей рыночной экономики, которые возникают в ее наименее урегулированных областях, и противостоять которым у женщин нет возможностей. Учитывая эти выводы, феминизация бедности в регионе заслуживает дальнейшего изучения.

Однако не все женщины в регионе столь уязвимы. Стратификация доходов и социальная мобильность могут регулироваться гендером и гендерными отношениями и более сложным образом. Упомянувшееся выше этнографическое исследование небольшого венгерского города, предпринятое Ковач и Варади, содержит детальные примеры различных противоречивых траекторий женских жизненных путей. Они связаны с различающимися идеями, появившимися в последнее время, о надлежащей форме взаимоотношений между супругами. Эти взгляды основаны на иных образах «Я», маскулинности и феминности, и варьируются от модели мужчины-добытчика/женщины-потребительницы до идеала сотрудничества, «партнерства» между супругами, включая и форму взаимной ненависти между мужчинами и женщинами, полагающей, что в воспитании детей без мужчин заинтересованы прежде всего сами женщины. Эта последняя разновидность лишь выдает обсуждавшийся выше гомогенизированный, идеологизированный взгляд на «семью», который получил распространение в регионе. ИмPLICITно все три формы предполагают наличие государственной помощи, а также пределы, в которых индивид может на эту помощь рассчитывать. Речь, таким образом, идет не столько о государственных программах, сколько о представлениях, из которых исходят социальные акторы в своем восприятии этих программ.

¹ В Польше именно мужчины больше всего втянуты в неформальную экономику [Fuszara, 2000]. См. также: Standing [Standing, 1996].

Гендерная идеология, которую задокументировали Ковач и Варади, сама по себе является эмблемой нарождающихся классовых различий. Модель «добытчик/домохозяйка» пользовалась наибольшей поддержкой только в самых элитных семьях города, где мужчины являлись руководителями вновь приватизированных компаний или там, где подчиненное положение женщины объяснялось строгой приверженностью религиозным верованиям. Жизнь богатых действительно могла соответствовать защищаемой ими модели семьи. Для других категорий защита подобной модели не сочеталась с их действиями на практике. Для этой страты идеология сама по себе демонстрировала их принадлежность к элите.

С другой стороны, идеал супружеского «партнерства» был свойственен исключительно мобильным, продвигающимся вверх и крайне успешным женщинам-предпринимательницам. В отличие от обеих моделей, именно заводские работницы, которые в большинстве своем понимали, что жизнь без мужчин возможна и иногда даже предпочтительна, имели самые слабые эмоциональные связи со своими мужьями.

Поскольку исследование Ковач и Варади включало пять жизненных историй, мы знаем, что женщины-предпринимательницы отличались не только по своим взглядам, но и по своему поведению. Они часто разводились с мужчинами, чьи идеи о гендере, как они считали, были несовместимы с их собственными ожиданиями и амбициями. Женщины описывали повторяющиеся решения о разводе с мужчинами, требующими от них, по словам женщин, подчиненной роли. Вопрос стоял не о равном разделении труда внутри домохозяйства или рынка труда: эти женщины, так же, как и все другие женщины Восточной и Центральной Европы, сохраняя за собой первичные обязанности по выполнению домашней работы, уходу за детьми, еще и работали вне дома. Скорее, они отвергали мужей, неспособных оказать эмоциональную поддержку и небольшую практическую помощь, необходимые для реализации экономических амбиций этих женщин. Без преувеличений можно сказать, что для данных женщин выбор супруга, который мог бы являться адекватным «партнером» — термин, используемый самими женщинами, — являлся центральной и частично сознательной стратегией мобильности.

Сравнение этих венгерских предпринимательниц с работницами консервного завода, о которых речь шла выше, позволяет прояснить парадокс преемственности государственной политики социалистического периода. В то время как работницы консервного завода полагались в практических делах на государственное предприятие и его социальное обеспечение, предпринимательницы мало сталкивались с институтами государственного социализма. Взамен они — часто с ранних лет — полагались на неформальную экономику. При этом обе категории женщин являются порождением социализма: но если для работниц практическим наследием является зависимость, то для предпринимательниц — это государственная социалистическая идеология гендерного равенства и ее практические гарантии всеобщего образования и права на труд, давшие этим женщинам возможность думать о себе как о потенциально самодостаточных и в ряде случаев равных мужчинам¹.

Регулирование социальной мобильности с помощью гендерных отношений и гендерной идеологии не ограничивается только выбором супруга. Это регулирование также включает самовосприятие, использование телесности и представления о сексуальности. Здесь преемственность исчезает, и мы замечаем резкий разрыв с прошлым, не только в практиках, но и в репрезентациях. Возможно, наиболее впечатляющим изменением являются тиражируемые средствами массовой информации образы успешной и, таким образом, господствующей мужественности и женственности. Став собственностью

¹ См. также: [Szelenyi... 1988], где обсуждается роль семейного прошлого в формировании нового предпринимательского класса.

международных медиа-конгломератов, местные журналы с трудом отличаются от традиционной издательской продукции этих компаний.

В своем исследовании польской прессы Мира Мароди и Анна Гиза-Полещук указывают на новый акцент на индивидуализацию и сексуализацию женственности в Польше. Ирен Доллинг отмечает параллельные процессы в Германии, Адриана Бабан – в Румынии, а Крассимира Даскалова – в Болгарии. Женщины, чье самосознание и самовосприятие было сконструировано вокруг образа «смелой жертвы» и чьи надежды на власть и успех были связаны с идеей самопожертвования семье, чувствуют себя глубоко униженными репрезентациями женщин, чья абсолютная ценность коренится в украшении и заботе о себе и своем теле. Пограничной чертой здесь является возраст: как отмечают многие комментаторы, для более взрослых женщин самопожертвование ради других, ради коллектива (нации, региона), соответствующее социалистической (также как и постсоциалистической националистической) форме женственности, может быть более привлекательным. Ощущение неудачи и разочарования более взрослых женщин сочетается с проблемами пассивной мужественности, ставшей партнером «смелой жертвы». В отличие от концепции активных граждан, обе эти модели основаны на иной концепции взаимоотношений государства и его народа.

Новый, сексуализированный индивидуализм также является деструктивным для самооценки женщин, проинтервьюированных Бабан, выросшей в Румынии времен Чаушеску. Политика запрещения абортс сформировала здесь презрительное отношение к собственному телу и страх перед сексуальностью. Сходное презрительное отношение к телу наблюдалось и в интервью работниц консервного завода, сделанных Ковач и Варади, охарактеризовавших использование косметики предпринимательницами как смешную и тщеславную. Для этих работниц вопрос носил моральный аспект и был связан с новым пониманием работы. Они утверждали, что не всякий может быть предпринимателем. Их собственное самоощущение основывалось на простом и часто ручном труде, редко видимым и еще реже ценным публикой.

Телесные практики и самовосприятие, пропагандируемые прессой, совпали с жизнью предпринимательниц и молодых жен богатых бизнесменов (*trophy wives*) в выборке Ковач и Варади. Именно предпринимательницы занимались фитнесом и ездили на курорты, посещали сауны и косметологические салоны, чтобы совершенствовать свое тело и внешность. Однако, если для домохозяек это и являлось «работой», которую они предлагали в обмен на финансовую поддержку своих мужей, то для предпринимательниц ухоженное тело понималось как часть деловой стратегии, уловка для повышения социальной мобильности, знак предпринимательского успеха.

В нашем обсуждении четвертого показателя сравнения – то есть того, как социальные государства регулируют неравенство доходов – мы сконцентрировались в основном на этнографических примерах, которые продемонстрировали, как в условиях усиливающихся неолиберальных государственных программ гендер становится механизмом, опосредующим процесс изменения социальной стратификации в Восточной и Центральной Европе. Нашей задачей являлось показать, как в новых обстоятельствах стратегии женщины (многочисленные работы, выбор супруга), так же как и их телесные практики, самоопределение и брачная идеология повлияли на оформление экономического неравенства.

Еще один этнографический пример, взятый из длинного интервью, проведенного Сюзан Гал в Венгрии, позволяет ближе взглянуть на то, в какой зависимости планирование мужчин и женщин находится от их самовосприятия и гендерных отношений, тесно переплетенных с экономическими стратегиями и государственными льготами. Это интервью позволяет обратиться к *лятому параметру* сравнения гендерных дилемм западных социальных государств с коммунистическими постсоциалистическими обществами. Речь

пойдет о «зависимости» и «автономности», ставших центральным объектом феминистского анализа социального государства¹.

Будапештский журналист пятидесяти лет, давно находящийся в разводе со своей первой женой, пригласил свою новую возлюбленную сорока лет переехать в его трехкомнатную квартиру. Женщина согласилась, решив при этом сдать в аренду свою меньшую по размерам квартиру для получения дополнительного дохода, поскольку продолжала трудиться на плохо оплачиваемой, тупиковой, надуманной работе бухгалтера в одном из отделений Министерства здравоохранения. Паре удавалось сводить концы с концами благодаря двум зарплатам. Как следовало из интервью, ее любовь к приготовлению пищи прекрасно сочеталась с его желанием плотно поесть, а незначительные требования, предъявляемые на работе, позволяли женщине легко справляться со всеми домашними обязанностями. Разногласий по этому поводу в паре не возникало. Однако, когда газета журналиста была куплена крупным германским конгломератом, он получил новое пятилетнее назначение. Несмотря на новую удвоенную зарплату, уровень его дохода все еще отставал от доходов западных журналистов или новых богатых будапештских предпринимателей. Тем не менее такое положение дел заставило пару начать пересмотр распределения обязанностей. Женщина заявила, что хочет бросить свою работу, которую она всегда ненавидела, и стать «женой»-домохозяйкой. Однако об официальном браке речи не шло, поскольку, как следовало из интервью, это открыло бы государству путь для вмешательства в их личную жизнь. Журналист, тем не менее, пообещал выплачивать страховку любимой из своей зарплаты. Стоимость этого, как он ей объяснил, не превысит стоимость услуг домработницы. Друзья женщины по работе были потрясены, но по двум разным причинам. Более старшие женщины, прожившие большую часть жизни до 1989 года, испытывали опасения. Они предостерегали ее от чрезмерной зависимости от мужчины, призывали не доверять ему решение вопросов своего финансового благополучия, обязательной медицинской страховки и пенсионных льгот. Более молодые прямо завидовали тому, что ей удалось «отхватить богатенького». Со своей же стороны, женщина объяснила, что жизнь дома избаловала ее, однако именно этого она так страстно и желала. Она посещала сауны и фитнес-клубы, после обеда ходила по магазинам. Все это позволяло ей с удвоенной энергией обеспечивать его потребности так, как «он того заслуживал» (за то, что был таким настоящим мужчиной). Обслуживая его, она стала чувствовать себя более женственной.

Он с энтузиазмом поддержал эту идею, полностью совпадавшую с тем, что он видел в буржуазных обществах во время своих многочисленных путешествий в Западную Европу в коммунистическую эпоху. Он открыто признался, что в его действиях существует некоторая доля подражания: жена, находящаяся дома, являлась показателем статуса, которого он так долго жаждал и вполне заслуживал. Знакомый с американскими гендерными дискуссиями, он подшучивал над собеседницей из Америки, говоря, что его женщина далека от того, чтобы соревноваться со своим мужчиной подобно отвратительными феминисткам. Но что произойдет, когда через несколько лет контракт закончится, зарплата понизится? В ходе интервью, слово за слово, стало понятно, что после продолжительного периода буржуазной жизни последовал более скромный период: у нее возникли планы заняться бухгалтерской деятельностью на дому, безо всякого разрешения, с достаточно реалистической надеждой встать на ноги к концу его пятилетнего назначения и начать самостоятельно оплачивать свою медицинскую страховку. Она рассмеялась, сказав, что планирует стать богатой к тому моменту, когда понизится его зарплата.

¹ Полевые записи Сюзан Гал 1998 года.

Традиционные исторические модели гендерных отношений, точно так же, как в примерах Ковач и Варади, не способны адекватно описать эмоциональные и экономические стратегии этой пары. Не подходит их ситуация и под текущие западные модели, которым они пытаются следовать. Не стремясь к обобщениям, на этом примере мы хотели бы лишь обратить внимание на сложность чувств, связанных с гендерными образами, — на неопределенность значения «жены, сидящей дома», на оговорки по поводу доверия между партнерами, на дилеммы по поводу «зависимости» и амбивалентное желание «автономности» от работы, государства, государственных льгот и супруга.

Как мы отметили выше, в феминистских исследованиях классическая либеральная модель зависимости женщины от конкретного мужчины внутри домохозяйства всегда служила контрастом для более прямой зависимости от государственного обеспечения, характеризующего социальные государства. Многие исследователи указывали на то, что отказ от обоих вариантов ставит женщину в зависимость от непредсказуемых рыночных механизмов. Здесь можно вспомнить также и о дискуссиях по поводу различной роли, которую играют женщины по отношению к государству в различных социальных программах. В социальных государствах Запады женщины являются не только клиентами и потребителями разного рода услуг, но также работниками, гражданами и политиками; их деятельность в неправительственных и добровольных ассоциациях может смягчать формы зависимости. Зачастую наличие разногласий в программах различных институтов, как и само наличие несовпадающих корпоративных групп (профсоюзы, политические партии), увязанных с разными ролями (клиент, политик, работник, избиратель), позволяют конкретным людям мобилизовать для своей защиты одну организацию против другой в частности, и против государства в целом. Именно такое разнообразие ролей дало основания для того, чтобы говорить о потенциальной возможности для женщин балансировать зависимость от социального обеспечения с политическим активизмом. Возможно, получатели социальной помощи могут осознать общие интересы и использовать их в целях самоорганизации. Несмотря на то, что, будучи работницей и клиентом, женщины все еще непропорционально во многом зависят от государства, как граждане и политики, они тем не менее могут влиять на политический процесс подобно мужчинам.

Поэтому сегодняшние дискуссии, анализирующие разные роли и формы гражданских прав женщин в социальном государстве, не пытаются отрицать ни идею зависимости, ни повысить значимость автономности. Более того, как отмечали Нэнси Фрейджер и Линда Гордон в своей исторической деконструкции «зависимость» (dependence), само понятие «зависимости» является концептуально сложным, включая в себя одновременно эмоциональный, политический и экономический элементы. «Зависимость» была клейменена позором в англо-саксонских странах еще в XIX веке, полностью утратив свое раннее более позитивное значение «работы за жалование» (working for wages). Вместе с акцентом на индивидуализм и политические права независимость стала фактически неоспоримой позитивной ценностью. Использование таких понятий как «зависимость», «автономность» и «выбор» в дискуссиях по поводу социального обеспечения — феминистками или другими исследователями — основывается на их историческом прошлом. Обнаружив источники и коннотации «зависимости» и «независимости», Фрейджер и Гордон отвергли использование обоих терминов и рекомендуют понятие «взаимозависимости» (interdependence) как средство признания неизбежности и позитивности социальной поддержки в повседневной жизни¹.

¹ В дополнение к Fraser and Gordon [Fraser... 1994] см. также: Siim [Siim, 1988] об истории идеи зависимости. Orloff [Orloff, 1993] дает общую концепцию анализа социальных государств в условиях осуществления прав независимых граждан.

Мы полагаем, что иное понимание, как и иная история «зависимости» — в дискурсе и на практике — в Восточной и Центральной Европе могут добавить еще один оттенок к данным феминистских дебатов. Как и на Западе, «зависимость» здесь также не являлась позитивным концептом. Борьба за независимость от той или иной империи в недавнем прошлом являлась ключевой темой — иногда подвергавшейся цензуре или умолчанию — национальных историографий. Критики коммунизма жаловались на зависимость от патерналистского государства и характеризовали население Восточной и Центральной Европы как «низведенное до состояния детства» — ввергнутое в состояние опеки, страха и пассивности. Гораздо важнее, что и отношения с государством были эффективно централизованы. В отличие от социальных государств на Западе, настроить различные части государственной машины друг против друга здесь было не так легко. В итоге за любым публичным актом неповиновения, жалобой или протестом социально разобщенных индивидов в обществе «одномерных» отношений с государством могло последовать наказание. Любой государственный орган мог нанести ответный удар не только по конкретному индивиду, но и по его семье и многочисленным родственникам, иногда — способами, не имеющими никаких параллелей с изначальным нарушением.

Наказания за незаконные аборты в Румынии, например, могли выразиться в отказе (или угрозе отказа) приема в университет ребенку доктора, который осуществил аборт, — пример который лишь еще раз подтверждает мысль о том, что семья при коммунизме скорее являлась средством, с помощью которого осуществлялся контроль над индивидами, а не способом достижения автономии. Более того, подобная «зависимость», одновременно и от семьи, и от государства, являлась негативной будучи источником возможной опасности¹.

Судя по имеющимся примерам, «зависимость» продолжает оставаться исключительно размытой концепцией и в постсоциалистический период, провоцируя различные трактовки. Осуждение «зависимости» коммунистической эры сопровождается заметной ностальгией по материальной защищенности, чувству «общины» и относительному равенству, которые якобы поощряла коммунистическая система. Даже спустя десятилетия после 1989 года опросы общественного мнения в Восточной и Центральной Европе продолжают показывать, что надежда на государственную поддержку является социально приемлемой. Действительно в Европе в целом и в Центральной и Восточной Европе в особенности многие полагают, что обеспечение материального благосостояния народа является непосредственной задачей правительства. Угрозы ликвидации социальных льгот продолжают вызывать массовые протесты. В нынешнее трудное время, когда пособия многодетным семьям в некоторых частях региона составляют иногда треть семейного бюджета, многие ценят такую «зависимость»².

Как свидетельствуют этнографические примеры, людей раздражает не столько сама государственная поддержка, сколько условия, на которых она оказывалась или оказывалась. Венгерские и цыганские матери и ранее полагались на свою способность мобилизовать различные подразделения государства для защиты своих собственных интересов внутри семьи и не хотят, чтобы значимость их материнской роли определялась уровнем «материальной нужды». Венгерские работницы консервного завода отстаивали свое достоинство и право на труд, сопротивлялись попыткам привить им предпринимательские навыки. Женщины-предпринимательницы, в свою очередь, отвергли понятие женской

¹ См.: Kligman [Kligman, 1998] о сути аргументации.

² См., например, Ferge [Ferge, 1995], Rutkowski [Rutkowski, 1998], и Milanović [Milanović, 1999], где можно найти результаты опросов. Мы благодарны Эве Фодор за привлечение нашего внимания к данным обзором по этому вопросу.

независимости, требуя взамен активной поддержки и партнерства со стороны своих мужей. Подобно им женщины Восточной Германии желали, чтобы государство обеспечило аборт и стерилизацию по низким ценам и по первому требованию для того, чтобы совмещение материнства и карьеры стало возможным.

С 1989 года альтернативы для женщин Восточной и Центральной Европы без особого энтузиазма характеризовались как выбор между все более усиливающимся, но все еще незнакомым и ненадежным рынком, и попытками целиком положиться на отдельных мужчин или мужское государство. Однако, судя по этнографическим материалам и обзорам, наиболее существенной культурной категорией становится все-таки понятие баланса. Женские стратегии сегодня пытаются создать и сохранить множественные, дополняющие и уравновешивающие друг друга зависимости. Эти стратегии обеспечивают не «независимость» и даже не «выбор», они, скорее, создают страхующую сеть ресурсов в ситуации, где чувство защищенности в окружающем мире в дефиците. Такое альтернативное понимание «зависимости» в повседневной жизни способно помочь более детальному анализу и западных социальных государств.

В данной статье мы пытались доказать, что дихотомия между «государством» и «рынком», которая все еще, зачастую, определяет дискуссии в регионе, маскирует сложность их взаимосвязей. Существует множество типов «социальных» государств и множество видов взаимоотношений между рынком и государством, имеющих разные последствия для семей и гендерных отношений. В Восточной и Центральной Европе общественный дискурс, акцентирующий автономность и историческую стабильность «семьи», отвлекает внимание как от тех способов, с помощью которых менялась семья, так и от того влияния, которое изменившиеся обстоятельства оказывали на жизненные возможности домохозяйств, несмотря на картину видимой преемственности.

Это переключается с тем, как американский общественный дискурс, озабоченный развалом семьи, игнорирует и появление новых форм домохозяйства, и то, как эти новые домохозяйства связаны с другими социальными изменениями. Несмотря на сходства в демографических тенденциях и мотивацию нападков на систему социального обеспечения, общественные дебаты о семье имеют свою специфику в Восточной Европе, Западной Европе, Скандинавии и США.

В центре нашего сравнения западных социальных государств со странами Центральной и Восточной Европы — как в коммунистический, так и в посткоммунистический периоды — было пять параметров, по которым мы оценивали сходства и различия. В ряде случаев такое сравнение помогло прояснить культурные и дискурсивные процессы, посредством которых удалось достичь перемен.

(1) Мы обсудили *«идеологии добытчика»*, которые обретают особую важность, по крайней мере для определенной страты, в Восточной и Центральной Европе. Поскольку государственные субсидии на здравоохранение и образование сокращаются, и сфера социальных услуг продолжает ухудшаться, ответственность за такие услуги с неизбежностью ложится на плечи самих семей. Для некоторых высокие зарплаты могут стать выходом из положения. Для других это означает декоммодификацию, то есть вывод такой работы из поля рыночных отношений, и, таким образом, неоплачиваемый уход, осуществляемый женщинами в пределах домохозяйства, вне зависимости от стремления государственных политических программ способствовать продвижению идеологии добытчика. Речь также шла и о других способах, с помощью которых государственные программы стимулируют или ограничивают понимание мужской и женской «работы», тем самым оформляя разные возможности и обязанности.

(2) Сравнения заявлений по поводу занятости женщин на Востоке и на Западе привело нас к анализу трансформации понятий «принуждение» и «выбор», а также женского

опыта, связанного с этими понятиями и меняющегося в зависимости от времени и социального контекста. Подобная переоценка и реконтекстуализация понятий являются важными чертами постсоциализма.

(3) Сходной реконцептуализации подверглись и основания, на которых традиционно базировались требования о помощи и поддержке государства. Требования формируются в процессе конструирования новых идентичностей — достойных и недостойных граждан — и новых «потребностей». Подобное конструирование, таким образом, является частью более широкого процесса дискурсивной институционализации социальной дифференциации и неравенства в регионе.

(4) Неравенство частично опосредуется гендером. Наши примеры свидетельствуют, что это относится не только к работницам, лишенными доступа к услугам в процессе приватизации завода, на котором они работали, но также и к предпринимательницам, чей брачный выбор и формы потребления определяют и отображают формы новой восходящей мобильности. Такие меняющиеся жизненные обстоятельства, безусловно, меняют как сами отношения «зависимости» и «автономности», так и идеи, связанные с этими понятиями.

(5) Зависимость и независимость от государства и рынка приобретают относительный характер благодаря многообразию нитей, связывающих с государством и рынком разных людей и разные поколения. Например, уклонение от налогов, зависимость от получения детского пособия или отпуска по уходу за ребенком могут рассматриваться в качестве различных форм связи с государством или зависимости от него, но все они имеют также разные последствия для самовосприятия, мобилизации ресурсов и повседневных стратегий в жизни этих людей. Мы показали, как через такие связи значение и опыт зависимости в Восточной и Центральной Европе трансформируются и приобретают новые гендерные характеристики.

Сравнительный анализ социальных государств, предложенный в данной статье, позволил нам более отчетливо понять суть программ по социальному обеспечению, предпринятых в социалистических и постсоциалистических государствах. На наш взгляд, подобные сравнения являются достаточно сложными и все еще относительно редкими, что частично объясняется разницей в положении «семьи» в популярной идеологии Востока и Запада. Типологизация, однако, не являлась нашей целью. Взамен мы предложили пять параметров сравнения, которые продемонстрировали, что социальные формы, возникающие в Восточной и Центральной Европе, не являются ни повторением более ранних исторических моделей, ни имитацией западных практик. Скорее, речь идет о новых отношениях между мужчинами, женщинами, рынками и государствами, возникшими из борьбы вокруг идеалов и практик социального обеспечения.

Список литературы

- Andrews E.S.* The Financing of Pension Systems in Central and Eastern Europe: An Overview of Major Trends and their Determinants, 1990–1993. Technical Paper no. 339. Washington, D. C.: World Bank, 1996.
- Barbalet J.M.* Citizenship: Rights, Struggle and Class Inequality. Minneapolis, 1988.
- Barr N.*, ed. Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe: the Transition and Beyond. Oxford, 1994.
- Berdahl D.* Where the World Ended: Reunification and Identity in the German Borderland. Berkeley, 1999.
- Blank R.* Does a Larger Social Safety Net Mean Less Economic Flexibility? // R.B. Freeman (Ed) Working under Different Rules. New York, 1994. P. 157–188.
- Borchorst A.* Feminist Thinking about the Welfare State. In M. Ferree, J. Lorber, and B.B. Hess (Eds) *Revising Gender*. London, 1999, P. 99127.

- Brown W.* Finding the Man in the State // *Feminist Studies* 18, 1992. № 1. P. 734.
- Carlson A.* The Swedish Experiment in Family Politics: The Myrdals and the Interwar Population Crisis. New Brunswick, 1990.
- Daskalova K.* Women's Problems, Women's Discourses in Bulgaria // S. Gal and G. Kligman (Eds) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Deacon B.* East European Welfare: Past, Present, and Future in Comparative Context. In Deacon (Ed) *The New Eastern Europe: Social Policy Past, Present, and Future*. New York, 1992^a.
- Deacon B.* (Ed). *The New Eastern Europe: Social Policy Past, Present, and Future*. New York, 1992^b.
- Deacon B. and Szalai J.* (Eds) *Social Policy in the New Eastern Europe: What Future for Socialist Welfare?* Avebury, 1990.
- Dolling L., Hann D. and Scholz S.* 'Birth Strike' in the New Federal States: Is Sterilization an Act of Resistance? // S. Gal, G. Kligman (Eds) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Eberstadt N.* Mortality and the Fate of Communist States // *Communist Economics and Economic Transformation* 5. 1993. № 4. P. 499–517.
- Eduards M.L.* Toward a Third Way: Women's Politics and Welfare Policies in Sweden // *Social Research* 58. 1991. № 3. P. 677–705.
- Einhorn B.* Cinderella Goes to Market. Citizenship, Gender, and Women's Movements in East Central Europe. London, 1993.
- EspingAndersen G.* *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, 1990.
- EspingAndersen G.* (Ed) *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economics*. London, 1996.
- Ferge Z.* Challenges and Constraints in Social Policy / ed. by C. Gombár, E. Hankiss, L. Lengyl, and G. Varnia (Eds) *Question Marks: The Hungarian Government, 1994–1995*. Budapest, 1995. P. 144–171.
- Ferge Z.* Women and Social Transformation in Central/Eastern Europe: The 'Old Left' and the 'New Right' // *Czech Sociological Review* 5. 1997. № 2. P. 159–178.
- Ferge Z.* *Fejezetek a Magyar Szegénypolitika Történetéből* (Chapters from the History of Hungarian Policy toward the Poor). Budapest, 1998.
- Ferge Z., Kolberg J.E.* (Eds) *Social Policy in a Changing Europe*. Frankfurt, 1992.
- Fox L.* Old Age Security in Transitional Economies // *Policy Research Working Paper*. № 1257. Washington, 1994.
- Fraser N.* *Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory*. Minneapolis, 1989.
- Fraser N.* *Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition*. New York, 1997.
- Fraser N., and Gordon L.* 'Dependency' Demystified: Inscriptions of Power in a Keyword of the Welfare State // *Social Politics* 1. 1994. № 1. P. 431.
- Funk N. and Mueller M.* (Eds) *Gender Politics and PostCommunism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union*. New York, 1993.
- Fuszara M.* New Gender Relations in Poland in the 1990s / In S. Gal, G. Kligman, *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Gal S. and Kligman G.* (Eds) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Gedeon P.* Hungary: Social Policy in Transition // *East European Politics and Societies* 9. 1995. № 3. P. 433–458.
- Gordon L.* (Ed) *Women, the State, and Welfare*. Madison, 1990.
- Götting U.* Welfare State Development in PostCommunist Bulgaria, Czech Republic, Hungary, and Slovakia: A Review of Problems and Responses (1989–1993). In Pestoff, *Reforming Social Services in Central and Eastern Europe: An Eleven Nation Overview*. Cracow, 1995.
- Goven J.* Gender Politics in Hungary: Autonomy and Antifeminism / In N. Funk and M. Mueller (eds.) *Gender Politics and PostCommunism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union*. New York: Routledge, 1993. P. 224–240.
- Goven J.* New Parliament, Old Discourse? The Parental Leave Debate in Hungary. In Gal and Kligman, *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Greskovits B.* *The Political Economy of Protest and Patience: East European and Latin American Transformations Compared*. New York, 1998.
- Haney L.* 'But We Are Still Mothers:' Gender, and the Construction of Need in PostSocialist Hungary // *Social Politics* 4. 1997. № 2. P. 208–244.
- Hernes H.M.* *Welfare State and Woman Power. Essays in State Feminism*. Oslo, 1987.
- Hobson B.* Solo Mothers, Policy Regimes, and the Logics of Gender. In Sainsbury, *Gendering Welfare States*. New York: Sage Publications, 1994.
- Kapstein E.B., and Mandelbaum M.* (Eds) *Sustaining Transition: The Social Safety Net in Postcommunist Europe*. New York, 1997.
- Kligman G.* *The Politics of Duplicity: Controlling Reproduction in Ceausescu's Romania*. Berkeley, 1998.
- Knijn T., and Ungerson C.* (Eds) Special Issue: Care Work and Gender in Welfare Regimes // *Social Politics* 4. 1997. № 3. P. 323–421.
- Kornai J., Haggard S., and Kaufman R.* (Eds) *Reforming the State: Fiscal and Welfare Reform in PostSocialist Countries*. Cambridge, 2000.

- Lapidus G.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Berkeley, 1978.
- Leira A.* Welfare States and Working Mothers: The Scandinavian Experience. Cambridge, 1992.
- Lewis J., and Astrom G.* Equality, Difference, and State Welfare: Labor Market and Family Policies in Sweden // *Feminist Studies* 18. 1992. № 1. P. 59–87.
- Lewis J.* Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts // *Social Politics* 4. 1997. № 2. P. 160–177.
- McIntyre R. J.* Demographic Policy and Sexual Equality: Value Conflict and Policy Appraisal in Hungary and Romania / In S. L. Wolchik and A.G. Meyer, (Eds) *Women, State and Party in Eastern Europe*. Durham, 1985. P. 270–285.
- Milanović B.* Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Washington, 1998.
- Mitchell B.R.* *International Historical Statistics, Europe, 1750–1988*. 3rd ed. New York, 1992.
- Molyneux M.* Women's Rights and the International Context: Some Reflections on PostCommunist States / *Millennium: Journal of International Studies* 23. 1994. № 2. P. 287–313.
- Nelson J.* The Politics of Pension and Health Care Reforms in Hungary and Poland. In Kornai, Haggard, and Kaufman. *Reforming the State: Fiscal and Welfare Reform in PostSocialist Countries*. Cambridge, 2000.
- Offe C.* The Politics of Social Policy in East European Transitions: Antecedents, Agents, and Agenda of Reform // *Social Research* 60. 1993. № 4. P. 649–684.
- Okolicsánvi K.* Hungary's Misused and Costly Social Security System // *RFE/RL Research Report* 2. 1993. № 17. P. 12–16.
- Orloff A.S.* Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States // *American Sociological Review* 58. 1993. № 3. P. 303–328
- Orloff A.S.* Gender in the Welfare State // *Annual Review of Sociology*. 1996. № 22. P. 5178.
- Pateman C.* The Patriarchal Welfare State / In A. Gutmann (Ed) *Democracy and the State*. 231–260. Princeton, 1988.
- Pedersen S.* Family, Dependence, and the Origins of the Welfare State: Britain and France, 1914–1945. Cambridge, 1993.
- Pestoff V.A.* (Ed) *Reforming Social Services in Central and Eastern Europe: An Eleven Nation Overview*. Cracow, 1995.
- Petrova D.* The Winding Road to Emancipation in Bulgaria. In Funk and Mueller, *Gender Politics and PostCommunism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union*. New York, 1993.
- Roxin V. and Hyos J.* Social Services in Eleven Central and East European Countries Comparative Aspects / In V.A. Pestoff, *Reforming Social Services in Central and Eastern Europe: An Eleven Nation Overview*. Cracow, 1995.
- Rutkowski J.J.* Changes in the Wage Structure during Economic Transition in Central and Eastern Europe. World Bank Technical Paper № 340. Washington, 1996.
- Rutkowski J.J.* Welfare and the Labor Market in Poland: Social Policy during Economic Transition // World Bank Technical Paper № 417. Washington, 1998.
- Sajó A.* How the Rule of Law Killed Hungarian Welfare Reform // *East European Constitutional Review* 5. 1996. № 1. P. 31–41.
- Sainsbury D.* (Ed) *Gendering Welfare States*. New York: Sage Publications, 1994.
- Sainsbury D.* *Gender, Equality and Welfare States*. Cambridge, 1996.
- Siim B.* Towards a Feminist Rethinking of the Welfare State / In K.B. Jones and A.G. Jónasdóttir (Eds) *The Political Interests of Gender: Developing Theory and Research with a Feminist Face*, London, 1988. P. 160–186.
- Sipos S.* Income Transfers: Family Support and Poverty Relief. In N. Barr, *Labor Markets and Social Policy in Central and Eastern Europe: the Transition and Beyond*. Oxford, 1994. P. 227–259.
- Skocpol T.* *Protecting Soldiers and Mothers. The Political Origins of Social Policy in the United States*. Cambridge, 1992.
- Social Politics: *International Studies in Gender, State & Society*, 1997. Vol. 4. No. 3.
- Standing G.* Social Protection in Central and Eastern Europe: A Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets / In G. Esping-Andersen (Ed) *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economics*. London, 1996.
- Szalai J.* Some Aspects of the Changing Situation of Women in Hungary // *Signs* 17. 1991. № 1. P. 151–170.
- Szalai J.* (Ed) *Old and New Poverty in Post1989 Central Europe. East Central Europe-L'Europe du CentreEst*. 1993/1996. № 2023 (Special issue). P. 34.
- Szalai J.* From Informal Labor to Paid Occupations: Marketization from Below in Hungarian Women's Work / In S. Gal and G. Kligman (Eds) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.
- Szelényi I. with R. Manchin, P. Juhász, B. Magyar and B. Martin.* *Socialist Entrepreneurs: Embourgeoisement in Rural Hungary*. Madison, 1998.
- Szémin Z.* The Role of NGOs in Social Welfare Services in Hungary / In V.A. Pestoff (Ed) *Reforming Social Services in Central and Eastern Europe: An Eleven Nation Overview*. Cracow, 1995. P. 323–347.
- Titmuss R. M.* *Essays on 'The Welfare State'*. London, 1963.
- Vinton L.* Poland's Social Safety Net: An Overview // *RFE/RL Research Report* 2. 1993. № 17. P. 311.
- Walby S.* *Theorizing Patriarchy*. Oxford, 1990.

Watson P. Explaining Rising Mortality among Men in Eastern Europe. *Social Science and Medicine* 41, 1995. №. 7. P. 923–934.

Zielińska E. Between Ideology, Politics and Common Sense: The Discourse of Reproductive Rights in Poland / In S. Gal and G. Kligman (Eds) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, 2000.

Гейл Клигмен
PhD, профессор социологии,
университет Калифорнии
в Лос-Анжелосе, Лос-Анжелос, США,
электронная почта: kligman@soc.ucla.edu

Сюзан Гал
PhD, профессор антропологии
и лингвистики, университет Чикаго,
Чикаго, США
электронная почта: s-gal@uchicago.edu

(Пер. с англ. М.Муравьевой)
